

РАЗНОПЛЕМЕННЫЙ САБАХ

Л. ДЕМИН

Кандидат исторических наук

ИНАБАЛУ — столица Сабаха, городок живописный и маленький, насчитывающий едва 30 тысяч жителей. Он стиснут морем и прибрежными холмами. Когда обзрешь его с одной из поросших джунглями вершин, городок кажется искусно выполненной моделью большого западного города. Вот несколько кварталов с банками, магазинами и офисами — маленькая копия делового центра. Узенькая набережная, обсаженная деревьями, на которую выходят фасады небоскребов-отелей — миниатюрных моделей небоскребов, которые кажутся настоящими рядом с соседними постройками. Маленький порт с причалом. Полотно железной дороги, по которой бегут вагончики не больше тех, какие увидишь в нашем детском парке.

По склонам окрестных холмов в зелени садов разбросаны особняки местной знати и богачей: владельцы фирм, управляющих плантациями, лесопромышленников, крупных чиновников. Среди особняков выделяется монументальный дворец самого дипертуана. Дипертуан (буквально «тот, который правит») — это титул главы государства. Сабах считается одним из штатов, федеральных государств Малайзии — страны с очень своеобразным государственным устройством. Малайзия по существу — выборная федеративная монархия. Малайзийские султаны выбирают из своей среды сроком на пять лет главного султана, главу всей федерации. Сабах во времена господства английских колонизаторов, в отличие от вассальных султанатов Малаккского полуострова, был колонией с обычным статусом и носил название Британское Северное Борнео. Теперь же, чтобы привести административную систему страны к некоему общему знаменателю, главой Сабаха сделали дипертуана принца Ахмада Раффе, родственника одного из султанов. Старый феодальный титул «дипертуан» носят все султаны Малайзии.

Есть еще и иной Кинабалу, город на сваях. Здесь живут рыбаки, портовые рабочие, прислуга, строители. Свайные постройки тесно жмутся друг к другу в лагуне, заливаемой морским прибоем. А для многих жилищем служит рыбацья лодка или баркас.

Окна моего отеля «небоскреба» выходят на море. Море здесь необычайно красочно. Оно ла-

зоровое с бледно-голубыми, белесыми и даже розоватыми прожилками. Это коралловые отмели просвечивают через мелководье. На горизонте чернеют остроконечные лесистые островки. Местные рыбаки умело ориентируются в лабиринте рифов, направляясь с разной снедью на рыбный базар.

Когда заходит солнце, островки на горизонте становятся какими-то особенно четко очерченными и рельефными на золотисто-алом небе. Голубые, белесые и розовые прожилки моря исчезают. Рябоватая поверхность воды искрится отражением заката.

Рыбаки возвращаются после улова и причаливают к берегу. Весь бетонированный причал набережной облеплен лодками, баркасами.

Я обратил внимание, что у здешних рыбаков добротные баркасы с бензиновыми моторчиками и даже ручными помпами для откачки воды из трюма. Спрашиваю, кому принадлежат суда.

— Одному богатому китайцу, — слышу я в ответ. — А нам, беднякам, приходится арендовать у хозяина лодку или баркас. Правда, хозяин позаботился и о моторчике, и о помпе. Ведь ему же первому от всего этого прибыль. Хочешь не хочешь, а солидная часть улова уходит на арендную плату.

Современная этнографическая карта Сабаха пестра. Хотя все население страны насчитывает немногим более полумиллиона человек, здесь можно выделить не менее двух десятков заметных этнических единиц. Более древнюю часть населения составляют кадасаны, или дусуны, муруты и другие племена и народности, родственные даякам индонезийского Калимантана. Ученые считают, что иммиграционные волны предков современных даякских племен с материка начались еще в конце II тысячелетия до н. э. Значительно позже стали проникать сюда малайские племена. Особенно активная волна малайской иммиграции была связана с тем периодом, когда Сабах входил в состав крупного государства Бруней. Сейчас в Сабахе можно встретить и сравнительно недавних выходцев с Филиппин (сулу), из Индонезии (бугинезцы, яванцы и другие). Значительную прослойку населения составляют китайцы, играющие активную роль в торговле.

Один из чиновников местного информационно-ведомства, молодой китаец, вызвался свозить меня в район, где живет много кадасанов.

— Зовите меня просто Николаем, — представится он. — Я вам покажу воскресный базар в Туаране.

Едем по шоссе на северо-восток. Пейзаж как будто бы ничем не отличается от знакомого мне яванского или суматранского. Рисовые поля сменяются каучуковыми насаждениями. Только деревушки встречаются здесь реже, да в них вместо мечети, увенчанной полумесяцем, обычно маячит шпиль небольшой церквушки — след британского влияния. Освоенные земли тянутся лишь неширокой лентой вдоль дороги. Дальше холмы и горы, заросшие первобытными джунглями. Вообще Сабах — край огромных, но почти нетронутых природных богатств. Если лететь самолетом из Кинабалу в Сандакан или Тавау на восточном побережье, пересекая весь Сабах, то видишь лишь горные вершины да чащобные дебри джунглей. Кое-где с горных круч низвергаются стремительные водопады. Редко-редко вдоль синих ветвистых ниточек рек разбросаны селения охотников.

И еще одна местная особенность: дома, даже нередко особняки богачей, построены на сваях до трех-четырех метров высотой. Спереди традиционная открытая веранда с крутой лестницей.

— Традиция даякских племен, — пояснил Николай. — Прежде дом был крепостью, где иногда приходилось выдерживать осаду врага. Сейчас кровавые столкновения между племенами и охота за черепами давно ушли в прошлое. Но люди убедились, что свайные постройки — дело неплохое. И всякая нечисть не заползет, и циркуляция воздуха улучшается. Между половицами специально оставляют небольшие щели.

Я сам убедился, что здешние жители имели основания опасаться всякой нечисти, когда увидел огромного скорпиона величиной с нашего речного рака и какую-то двухметровую черно-зеленую гадюку, переползавшую дорогу.

Вот и Туаран, небольшой городок с китайскими лавчонками, школой, мечетью и церковью. По случаю воскресного дня сюда тянулись на местный базар все, кто обладал собственной машиной или мотоциклом. Люди руководствовались практическим расчетом. Здесь любую снедь купишь за полцены.

Базар в Туаране, пожалуй, мало чем отличается от любого подобного базара в небольшом восточном городке. Крики торговцев, расхваливающих свой товар. Стойкие запахи дурьяна, тронутый тропическим зноем рыбы и еще чего-то острого, пряного. Местные фрукты, пестреющие всем спектром радуги. Изделия народных умельцев — простые циновки, корзины, остроконечные плетеные шляпы, а с каким мастерством и вкусом украшены тонким орнаментом! Национальные ножи с большим овальным лезвием, какой-то замысловатый духовой музыкальный инструмент, состоящий из соединенного воедино набора деревянных трубочек; расшитые красивым узором ткани. И, конечно, множество зевак, которые пришли сюда просто так, поглазеть, потолкаться. Больше всего зевак собралось возле жуликоватого вида парня-индийца в пестрой модной рубашке. Парень сидит, поджав под себя ноги, на циновке и выводит какой-то несложный мотив на деревянной флейте. Перед ним плоская корзина. Когда зевачи окружают его плотным кольцом,

индеец прекращает свою музыку и произносит речь на невообразимой смеси всех языков Сабаха. Смысл ее примерно таков:

— Люди! Вы увидите сейчас необыкновенное чудо. Вот в этой корзине у меня находится змея. Малайцы зовут ее улар, европейцы — снэк. Только посвященные могут обращаться с нею. Кто из вас смел и не боится ядовитых зубов змеи, снимите крышку.

Смельчаков не находится. Доморощенный заклинитель продолжает в том же духе, испытывая терпение зевак. Наконец он открывает крышку. Там оказывается безобидный питончик. Змея лениво подымает голову, высовывает раздвоенный язычок и выползает из корзины. Николай едко высмеивает заклинителя:

— Знаю наперед все фокусы этого шарлатана. Он раздражит змею и заставит ее укусить себя в руку. Это не опаснее царапины кошки. Потом он предложит: кто из вас не боится смерти, последуйте моему примеру. Желающих, надо полагать, не найдется. Можно будет заканчивать спектакль и собирать центы.

Самое интересное на этом базаре — пестрая разноплеменная толпа людей. Правда, китайцы, малайцы, баджары все реже отличаются друг от друга своим платьем, предпочитают обычный костюм европейского покроя. Лишь кадасаны упорно следуют традициям. Они любят черное с красным. Женщины-кадасанки носят короткий черный саронг, украшенный красной каймой или тканым узором. Через плечо обычно перекинут свернутый кусок красной ткани в виде перевязи. Молодые, большей частью незамужние, женщины оплетают поясницу тонким отполированным и выкрашенным также в красный цвет ротаном. Получается как бы многослойный обруч наподобие корсета. Некоторые племена добавляют к этому наряду украшения из медных колец, унизывающих ротановый обруч. Мужчины носят короткую черную куртку, расшитую красным узором, и такую же перевязь.

— Вы видите племя лотудов. Они уже не соблюдают многие древние обычаи, — пояснил Николай. — Немало детей лотудов закончило среднюю школу и занято интеллигентным трудом. Есть среди них и христиане, впрочем, не отказавшиеся от древних верований.

Я узнал, что одно из наиболее интересных племен кадасанов, полностью сохранившее древние анимистические верования, материальную культуру, почти весь жизненный уклад, — это племя тамбунан, живущее в долине, в районе одноименного городка. Эта местность лежит во внутренней части страны, к юго-востоку от Кинабалу, и связана с ним шоссе на дороге.

В настоящее время численность кадасанов составляет около трети всего населения Сабаха. Они делятся на ряд племен, говорящих на своих диалектах и имеющих свои местные особенности в обычаях, верованиях. В целом материальная культура кадасанов близка к культуре даяков индонезийского Калимантана. Однако кадасаны уже не живут, подобно даякам, в длинных домах, вмещающих одну большую семью или целый род. Длинные дома сохранились лишь у племени рунгузов на крайнем севере Сабаха.

«Дусуны», то есть живущие в селениях, было первоначальным именем всей народности. Сейчас более распространено имя «кадасан», производное от «какадасан», то есть «прибрежная стра-

на». «Кадасан» же означает «житель приморской области». Столкнувшись с дусунскими племенами, новые пришельцы малайцы называли их кадасанами. И хотя кадасаны-дусуны постепенно были оттеснены в глубь страны, за ними осталось название прибрежных жителей, данное малайцами.

Итак, мы в районе Тамбунана, где сосредоточено до двух десятков кадасанских деревень. Рисовые поля, а изредка и насаждения каучуконосов, фруктовые деревья и кокосовые пальмы, окружающие хижины, небольшие огороды с томатами, маниокой и бататом — сладким картофелем — все это говорит о том, что кадасаны такие же земледельцы, как и другие соседние народности. Впрочем, кадасаны из Тамбунана сравнительно редко выращивают овощи и обычно лишь для того, чтобы продать их китайским торговцам. Сами же они предпочитают овощам дикорастущие плоды из леса и дичь.

Жилища местных кадасанов, — как правило, небольшие постройки, рассчитанные на одну семью. Каждая постройка делится на три помещения: кухню, спальню и приемную для гостей. Крыша покрывается пальмовым листом или же расщепленным и тесно подогнанным друг к другу бамбуком. Под крышей устраивается чердак, где хранятся наиболее ценные семейные реликвии. В доме лишь одно-два небольших окна с бамбуковой крестовиной, пропускающих мало света и свежего воздуха.

Кадасан слепо верит, что жизнь в Тамбунане находится под воздействием злых и добрых магических сил. Опасно делать большие окна — в дом может проникнуть Амбория. Она приносит болезни, голод, неурожай, наводнение.

Что такое Амбория — злое божество, чудовище, дьявол? Кадасан вам никогда не сможет объяснить этого и ответит:

— Амбория приносит несчастье.

— Где обитает Амбория?

Кадасан сделает широкий жест и скажет:

— Она везде.

Итак, с этим весьма неопределенным понятием не связывается какой-либо конкретно персонифицированный образ духа, божества. Это скорее просто злая магическая сила, которая может проявляться в различных предметах, явлениях природы.

Есть ли средство предотвратить беду? Да, конечно. Если кадасан разговаривает о болезни, смерти или ином несчастье, он должен сплунуть и произнести: «Пеуте». Это выражение приблизительно соответствует нашему «сгинь, сатана» или «прочь, беда». Без этого восклицания подобное несчастье может обрушиться и на него самого. Особенно много опасностей подстерегает человека, если он один пробирается в сумерках через лес. Плюйся всю дорогу, чтобы не случилось беды. Если человек вышел из дому на заре, он должен сплунуть в сторону восхода.

Кадасан верит во многие приметы и сновидения. Найдешь в лесу во время охоты ровный круглый камень или зуб кабана — ждет тебя редкая удача. Если же ты натолкнулся на поваленный ствол дерева, преградивший тебе путь, или увидишь падающий на землю зеленый лист, не миновать беды. Сон, связанный с несчастливими приметами, становится предметом длительных дискуссий в семье. Если семейный совет найдет это нужным, приглашается деревенский жрец для предотвращения беды. Человек увидел во сне,

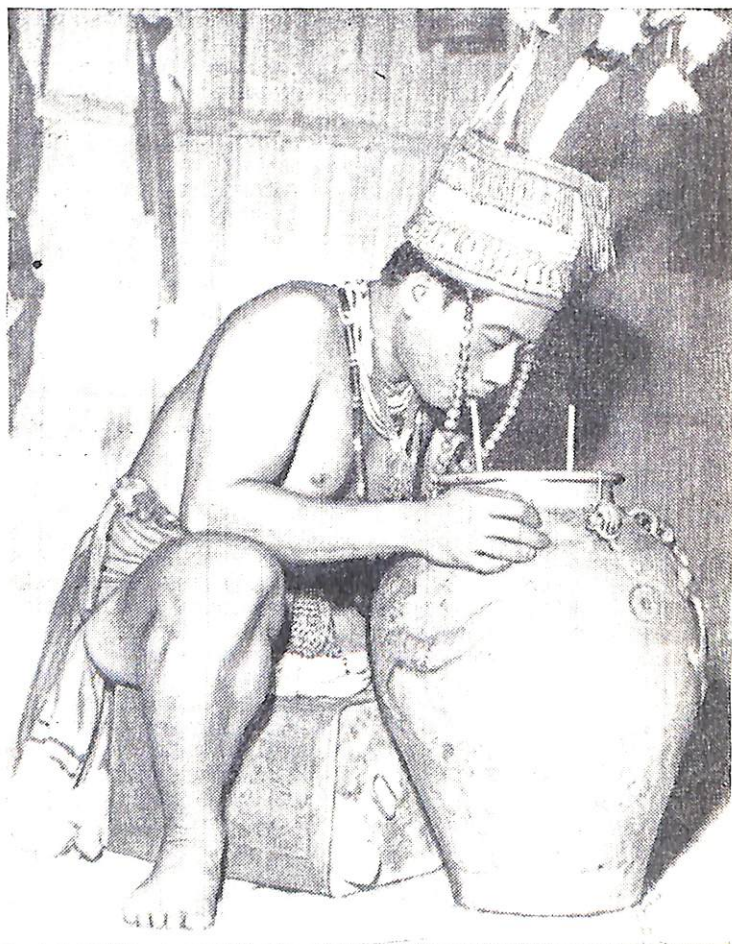
например, что потерял шляпу, — не иначе как не сносить ему головы. В таком случае без жреца никак не обойтись.

Но, кроме Амбории, в природе еще существует Сунасайн.

— Сунасайн приносит удачу, — скажет вам кадасан и не нарисует никакого определенного образа. Сунасайн — это просто добрая сила, помогающая человеку во всех случаях жизни. Рождение ребенка, помолвка, женитьба, переезд в новый дом, успех на охоте, выздоровление после болезни — все это не обходится без помощи Сунасайна.

Чтобы призвать на помощь Сунасайна и нейтрализовать, свести на нет влияние Амбории, существуют многочисленные молитвы и заклинания. В важных случаях приглашается жрец для специальных церемоний.

Житель деревни готовится отпраздновать свадьбу сына, или построить дом, или засеять рисом новый участок земли. В таком серьезном деле необходима помощь жреца. Семья готовится к торжеству. Хозяин дома варит для гостей рис с различной приправой. Поднос с кушаньем ставится посреди комнаты и накрывается куском черной материи. Сперва приходят гости, родные, соседи. Все садится на циновках вокруг подноса и ожидают жреца. Наконец появляется жрец. Это обычно глубокий старец. Он садится перед подносом и принимает из рук хозяина сосуд с алкогольным напитком из пальмового сока. Отведав

Девушка-кадасанка из Сабаха.

Мурут, пьющий напиток из пальмового сока.

напитка, жрец передает его по кругу гостям, а затем читает молитву. Текст молитвы — это прославление доброй силы Сунасайна, призывы к Сунасайну приходить людям на помощь и уменьшить влияние злой силы Амбории.

Закончив непродолжительное чтение, жрец снимает ткань, покрывающую поднос с едой, и принимается за угощение. Потом угощение передается остальным гостям. В награду за услугу семья посылает жрецу курицу, овощи и другие продукты.

Самый торжественный обряд у кадасанов Тамбунана свадебный. Свадьба обычно справляется после уборки урожая, когда в доме достаточно припасов. Парень и девушка уже давно согласны пожениться. Родителям остается только покончить с формальной стороной. Отец жениха отправляется в дом невесты, чтобы договориться о дне свадьбы и размерах приданого. Родители невесты, согласно обычаю, стараются как можно основательнее подпоить гостя, чтобы сделать его более стоворчивым. Обычно переговоры заканчиваются без серьезных затруднений, и через два

или три месяца наступает день свадьбы. За это время жених должен обзавестись парой буйволов, гонгом или набором гонгов, а также большим глиняным кувшином. Это традиционные ритуальные предметы, которые служат своего рода показателем достатка человека.

На свадебное торжество приглашаются все жители деревни. Готовится обильное угощение — свежий рис со свиной и мясом буйвола, крепкие напитки. Сперва празднества устраиваются в доме жениха. Во дворе дома играет музыка, раздаются удары гонга. Гости танцуют самазу. Это традиционный и наиболее популярный танец кадасанов. Танцующие пары плавно двигаются на носках, руки их медленно раскачиваются, словно крылья птицы. На следующий день свадьба продолжается в доме невесты. Снова повторяется веселье с угощением, выпивкой и танцами. По окончании двухдневного празднества невеста переезжает в дом жениха. Молодые живут в доме родителей мужа до рождения первенца. После этого они имеют право построить свой собственный дом.

Передовая интеллигенция Сабаха старается бороться за преодоление межплеменной вражды, оставленной в наследие колонизаторами. Такая вражда порой еще дает о себе знать.

Мой неизменный спутник Николай пригласил меня на концерт, который организовала своими силами молодежь Кинабалу. Участники концерта среди других номеров показали небольшой балетный спектакль. Вот его примерное содержание.

Происходит свадебное торжество. Среди многочисленных гостей — представители различных народностей Сабаха: малайцы, китайцы, кадасаны, полуобнаженные муруты с копьями и в головных уборах из птичьих перьев. Их сменяют две пары сулу в зеленых саронгах, исполняющие какой-то быстрый и ритмичный танец наподобие нашей чечетки. И, конечно, появляются кадасаны в черных платьях, расшитых красным узором. Парни бахвалятся друг перед другом, стараясь продемонстрировать свое мнимое превосходство. Тем временем надвигается опасность. На сцену врываются хищные птицы, вызывая общую панику и растерянность. Парни, которые только что хвастались своей силой и ловкостью, в ужасе разбегаются. Птицы, по-видимому, олицетворяющие злые силы, исполняют экспрессивный танец, затем хватают подружку невесты и удаляются со своей добычей. Невеста в слезах. Свадьба готова расстроиться. Парни один за другим возвращаются на сцену. Они понимают, что только в дружбе и братском единстве можно покончить с опасным врагом. Они клянутся забыть о взаимных распрях и ссорах. Общими усилиями недруги побеждены. Свадебное торжество продолжается.

Спектакль заканчивается появлением из-за декорации девушки в белом, олицетворяющей не то добрую богиню, не то просто абстрактное понятие добра и справедливости. Она произносит назидательную речь, обращенную скорее к зрителям, чем к персонажам спектакля, призывающую забыть о национальной розни и жить единой, дружной семьей. Тогда никакой враг не страшен.

— Может быть, наш спектакль получился и наивным, и не слишком профессиональным, — говорили мне постановщики. — Но мы хотели, пользуясь средствами народного искусства, фольклора, сказать свое слово во имя национального единства, преодоления межплеменной вражды.